

и психолого-педагогические науки: сб. науч. ст. Вып. 23, ч. 1. Исторические науки / Минск: РИВШ, 2023. – С. 64.

17. Ковалик, С. Ф. Революционное движение 70-х годов и процесс 193-х / С. Ф. Ковалик. – М.: Изд. Всесоюзного о-ва политкартожан и ссыльно-поселенцев, 1928. – 193 с.

18. Платун, А. М. Итоги культурного строительства в БССР за 10 лет / А. М. Платун. – М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1931. – С. 5.

19. НАРБ. – Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 5501.

20. Кржижановский, Г. М. На втором туре / Г. М. Кржижановский // Высшая техническая школа. – 1934. – № 1. – С. 3 – 14.

21. Беркенгейм, А. М. Большие сдвиги во всех областях / А. М. Беркенгейм // Высшая техническая школа. – 1934. – № 1. – С. 17–24.

22. Куколевский, И. И. Открыты широкие перспективы / И. И. Куколевский // Высшая техническая школа. – 1934. – № 1. – С. 24–25.

23. Ямский, А. Лучший втуз Советского Союза: Московский механико-машиностроительный институт им. Баумана / А. Ямский. – М.: Профиздат, 1934. – 100 с.

24. Бейлин, А. Е. Кадры специалистов СССР, их формирование и рост / А. Е. Бейлин под ред. и с предисл. И. А. Краваяля. – М.: Союзоргучет, 1935. – 419 с.

25. Бинеман, Я. Кадры государственного и кооперативного аппарата СССР / Я. Бинеман, С. Хейнман. – М.: Планхозгиз, 1930. – 297 с.

(Дата подачи: 26.02.2024 г.)

Л. В. Ландина

Белорусский государственный университет культуры и искусств, Минск

L. Landina

Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk

УДК 930(470+571)"18/20"

ПРОСВЕЩЕННЫЙ АБСОЛЮТИЗМ ЕКАТЕРИНЫ II В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XXI В.

ENLIGHTENED ABSOLUTISM OF CATHERINE II IN THE ESTIMATES OF RUSSIAN HISTORIANS OF THE LATE XIXST – BEGINNING OF THE XXIST CENTURIES

Статья раскрывает изменения в методологической направленности, оценках, проблемном поле при освещении политики просвещенного абсолютизма Екатерины II российской исторической наукой конца XIX – начала XXI в. Соответственно, определяются доминирующие акценты в рассмотрении политики просвещенного абсолютизма российскими дореволюционными, советскими и современными историками.

Ключевые слова: просвещенный абсолютизм; Екатерина II; российская историография; государственная школа; советская историография; современная российская историография; методология.

The article reveals changes in the methodological orientation, assessments, problematic field in the coverage of Catherine II enlightened absolutism policy by Russian historical science from the last third of the XIXth to the beginning of the XXIst century. Accordingly, the article determines dominant accents in the enlightened absolutism policy consideration, made by Russian pre-revolutionary, Soviet and modern historians.

Keywords: enlightened absolutism; Catherine II; Russian historiography; public school; Soviet historiography; modern Russian historiography; methodology.

Российская императрица Екатерина II представляет собой одну из знаковых фигур европейской истории XVIII в. В период ее правления (1762–1796) Россия утвердилась среди великих европейских государств, российский вариант просвещенного абсолютизма достиг своего апогея, а сама Екатерина, как никто из ее предшественников, кроме Петра I, стала популярной в Европе. Именно при Екатерине осуществились три раздела Речи Посполитой, белорусские земли бывшего Великого княжества Литовского вошли в состав Российской империи и начались соответствующие преобразования по адаптации и интеграции новых территорий в имперское пространство.

Личность и деятельность подобного масштаба неизменно осмысливалась в российской исторической науке. Однако в зависимости от политических реалий и социокультурных условий оценки историков могли существенно различаться. Целью данной статьи является раскрытие на основе историографической компаративистики изменений в интерпретации просвещенного абсолютизма Екатерины II, имевших место в российской историографии конца XIX – начала XXI в. Речь идет о таких исследовательских критериях, как мотивация изучения екатерининского правления, его оценка как исторического явления, методология, содержание проблемного поля. Подобный ракурс и временной масштаб историографического анализа предпринимаются впервые в отечественной историографии. На основе методологических трансформаций, происходивших в российской историографии на протяжении более чем столетия, целесообразно выделить в указанном процессе дореволюционный, советский и постсоветский (или современный) периоды.

С последней трети XIX в. российская историческая наука вступила в особенно продуктивный этап. Это объяснялось как модернизационными процессами в пореформенной России, так и расцветом государственной школы, имеющей статус официальной. Российские историки руководствовались преимущественно позитивистской методологией, что включало прогрессистское и многофакторное понимание исторического процесса. С другой стороны, было весьма популярно изучение российских государственных институтов и персоналий XVIII в. Обеспеченность источниками и притягательность блестящей эпохи Российской империи, известная устойчивость оценок и дистанцирование от текущей политической конъюнктуры, несомненно, объясняли такое предпочтение. Не меньшее значение имела и значимость двух ключевых фигур российского XVIII столетия – Петра I и Екатерины II.

Принимая во внимание масштабность политического наследия Екатерины II, было бы естественно ожидать от историков государственной школы лишь панегирических его трактовок. Однако это не так. Например, В. О. Ключевский, указывая на дворянский характер российской монархии XVIII в., отмечал усиливающуюся пропасть между «внешними силами народа и его внутренними свободами», когда «государство пухло, а народ хирел» [1, с. 8–9, 13].

В. О. Ключевский достаточно скептически оценивал просвещенный абсолютизм Екатерины II, отмечая, что реформы были вынужденными и прикрывались либеральной риторикой. «Власть, не только неограниченная, но и неопределенная, лишённая всякого юридического облика, — именно в этом видел В. О. Ключевский суть просвещенного абсолютизма. — Она (Екатерина — Л. Л.) оберегала этот факт места от всяких попыток дать закономерный строй верховному управлению. Но она хотела прикрыть этот туземный факт идеями века» [2, с. 65–66]. Сдержанно оценивая правление Екатерины II, В. О. Ключевский тем не менее подвел такой его итог: «С Петра, едва смея считать себя людьми и еще не считая себя европейцами, русские при Екатерине почувствовали себя не только людьми, но и чуть ли не первыми людьми в Европе», и за это к слабостям императрицы относились с пониманием [2, с. 338].

П. Н. Милоков характеризует екатерининский абсолютизм в категориях полицейского государства: «Одного только Екатерина не могла допустить, что люди могут сделаться разумны и счастливы по какой-нибудь другой системе, исключая ее собственную» [3, с. 260]. По мере же того, как российские реалии уменьшали доверие Екатерины к «модным философам», в ее политике возрастал пафос панславизма. П. Н. Милоков замечал с немалой дозой иронии: «Задолго до русских историков-националистов XIX века она пишет Гримму, что “скоро докажет, что древние славяне дали свои названия большинству рек, долин и урочищ во Франции, Шотландии и других местах”» [3, с. 425].

Значимость екатерининского правления, при различной степени его апогеттики, подчеркивалась М. К. Любавским и А. С. Лаппо-Данилевским. Так, М. К. Любавский сдержанно оценивал екатерининский просвещенный абсолютизм, указывая на превращение дворянства «в землевладельческий, господствующий политически и социально класс», господство крепостного права и влияние на эпоху «личности самой императрицы» [4, с. 30]. Напротив, А. С. Лаппо-Данилевский считал Екатерину выдающейся правительницей, исполненной либеральных и гуманных идей, которая «в лице своих подданных видела не рабов, а людей, повинующихся законам» [5, с. 162]. В целом проникнуты пиететом к Екатерине ее фундаментальные биографии, созданные В. А. Бильбасовым [6; 7] и А. Г. Брикнером [8].

Г. В. Плеханов как представитель марксистской идеи, западнической по происхождению, обращал внимание на различную политическую культуру России и Европы: «На Земский собор съезжались “холопы” москов-

ского царя; на собраниях Генеральных штатов выступали “подданные” французского короля» [9, с. 213]. Сопоставление же российских и европейских государственных институтов привело Г. В. Плеханова к выводу о значительном сходстве российского государства с восточной деспотией [9, с. 12]. Просвещенный абсолютизм Екатерины II Г. В. Плеханов оценивал весьма скептически, отмечая поверхностность философских увлечений императрицы, нужных ей для укрепления абсолютной власти. В вопросах же смягчения крепостного права «всегдашним правилом» Екатерины «было избегать ненужной для нее игры с огнем» [10, с. 123–125].

Таким образом, в российской дореволюционной историографии проблематика екатерининского просвещенного абсолютизма занимала значимое место. Доминантами проблемного поля выступали различные направления внутренней и внешней политики, история государственных институтов, личность Екатерины, хотя при этом степень апологетики императрицы была различной, что зависело от идейных предпочтений авторов [11, с. 156–166].

Советская историография исходила из совершенно других методологических установок – классового формационного понимания исторического процесса. Советский исторический дискурс утверждал, что историю творят народные массы, а великие люди – только выразители общественно-политических потребностей. К правителям России (за исключением Ивана Грозного и Петра I) как эксплуататорам и угнетателям народа привлекать внимание было не принято. Они выступали как проводники «феодально-крепостнической политики самодержавия», «диктатуры помещиков-крепостников» или мер «крепостнического самодержавия». [11, с. 404]. Негативная (за исключением внешней политики) оценка деятельности Екатерины II советскими историками выражалась следующим образом: «Основной задачей внутренней политики царизма, вытекавшей из соотношения классовых сил в стране, было всемерное укрепление самодержавной власти, стоящей на страже основного господствующего класса – дворянства... Незрелость складывающихся буржуазных отношений, слабость буржуазии, отсутствие социальной силы, способной возглавить общественный прогресс, позволили проводить эти мероприятия, не затрагивая основ самодержавной власти, давали возможность лавирования, маневрирования, либеральной демагогии... Такая политика, возможная лишь при определенной расстановке классовых сил, и получила условное название «просвещенного абсолютизма» [12, с. 532].

Статья Н. М. Дружинина [13] выступает редким примером комплексного рассмотрения екатерининского правления в послевоенной советской историографии. Почти лишенная идеологического пафоса, содержательная, умеренная в оценках, она интерпретирует просвещенный абсолютизм как общеевропейскую систему, целью которой было «укрепить устои абсолютной монархии устранением наиболее отживших институтов прошлого и тем самым предотвратить революционное крушение старого режима» [13, с. 430–431]. Мероприятия Екатерины оценены Н. М. Дружининым взвешенно – он отмечает, что наибольший успех они имели в области

экономики, оказавшись прогрессивнее меркантилизма Фридриха II, а тем самым меньшее значение «имели пути Екатерины поставить и разрешить крестьянский вопрос: ее усилия не могли подняться до уровня политика Писсафа II» [13, с. 458–459].

В целом же советская историография оценивала абсолютную монархию как совершенно не ограниченную власть, а просвещенный абсолютизм – с минимальными поправками – как социальную демагогию, что, например, утверждалось М. Т. Белявским [14, с. 45–46].

Качественно новыми в проблемном поле изучения просвещенного абсолютизма стали работы О. А. Омельченко, посвященные идеологии абсолютной монархии [15–17]. В них, кроме подробного анализа екатерининского «Наказа», содержался ряд новых для советской историографии тезисов. Речь шла о том, что неограниченное правление не исключало, но, напротив, предполагало, во-первых, делегирование части полномочий органам управления [17, с. 86] и, во-вторых, обоснование властью собственных действий. Даже при наличии социальной демагогии, как это подчеркивали советские историки, абсолютизм не был неограниченным произволом. Учение о монархии просвещенного властителя было консервативной идеологией, направленной на сохранение существующего социального и политического строя [15, с. 24–25].

Идея О. А. Омельченко о правовых основах российского абсолютизма второй половины XVIII в. выступала новацией в советской исторической науке. Автор заявлял, что в формально-правовой регламентации абсолютизма нужно видеть не вызванные теми или иными причинами ограничения монархии в духе буржуазного конституционализма, а органические правовые рамки абсолютной власти, существующие в соответствии с ее интересами и принципами. Это – политические устои, обусловленные внутренней логикой самой феодальной государственности [15, с. 29–30]. О. А. Омельченко выдвинул идею о том, что абсолютная монархия не является произволом, прежде всего с правовых позиций. Таким образом, уже в рамках советской историографии интерпретация просвещенного абсолютизма как неограниченной монархии, прибегающей к социальной демагогии и вынужденному реформированию, стала переосмысливаться к началу 1980-х гг.

Перестройка, развернувшаяся во второй половине 1980-х гг., привела не только к радикальному пересмотру методологических и идеологических основ советской историографии, но и в перспективе к утрате ее позиций. Так, государство перестало рассматриваться как враждебная народу эксплуататорская система, реформы «сверху» стали трактоваться в положительном ключе, началось создание политических и психологических портретов монархов, исследование истории элит, отношений правителя и общества и т. д. [11, с. 566–567].

Ярким примером нового дискурса выступает созданный А. Б. Каменским политический портрет Екатерины II, опубликованный в «Вопросах истории» – журнале, в котором ранее просто были немислимы статьи

«про царей»: «На календаре было 25 декабря 1761 г., будущей Екатерине II... урожденной Софии Августе Фредерике, принцессе Ангальт-Цербстской, шел 33 год... Приводя девичье имя и титул этой российской императрицы, иные из современных беллетристов (историки о ней давно уже не писали), принимают рассуждать о том, что этой немке, конечно, были чужды интересы русского народа. Не пытаюсь оспорить эту очевидную мысль, замечу, однако, что императрица Анна Иоанновна, отдавшая Россию на откуп немцам, была чистокровной русской. Другая «дежурная» ассоциация при упоминании имени и титула принцессы Ангальт-Цербстской – ее «незнатное» происхождение... Кстати, Екатерина I знатностью, тоже, как известно, не отличалась, однако почему-то принято по этому поводу не расстраиваться, а скорее, наоборот, умиляться» [18, с. 62]. Раскрывая образ Екатерины, автор не затушевывает ее качеств манипулятора, молчаливого согласия на убийство мужа, лишения власти сына, большого количества фаворитов. Насколько искренней она была в стремлении следовать просветительским идеям? Желая реализовать их на практике, Екатерина вынуждена была действовать в конкретной обстановке. А она была такой, что «мечты молодости» пришлось скорректировать, а то и отбросить [18, с. 70–73]. Результатом правления Екатерины стало движение страны вперед в рамках феодального строя, достигшее высшей степени развития в политике просвещенного абсолютизма [18, с. 82].

Постсоветские социокультурные реалии и возрождение установок государственной школы радикально изменили отношение к российской монархии, которая стала рассматриваться не только как самодостаточный и важный предмет исследования, но и как один из важных ресурсов в конструировании национальной идентичности и создании российского исторического нарратива. На первое место вышло рассмотрение власти и государства, воплощенное в уникальном по разнообразию и иерархизированности проблемном поле. Методологический инструментарий современной историографии представлен множеством подходов – от институционального до гендерного и психоисторического, в форматах макро- и микроистории [11, с. 646–647].

В масштабном исследовании О. А. Омельченко [19] российский просвещенный абсолютизм позиционировался в юридическом, правовом и терминологическом аспектах как особая фаза эволюции монархии, что заключалось в изменении политического режима властвования. Главным звеном политической доктрины стала идея законной монархии, способной примирить самые разные социальные и политические устремления в единой государственно полезной деятельности. Однако, несмотря на политические декларации просвещенного абсолютизма, он сохранял все типические черты элитарно организованной монархии, с доминированием бюрократической и сословной элиты. Утопизм политической доктрины просвещенного абсолютизма проявлялся в попытке совместить практику государственного либерализма с сохранением всеобъемлющего государственного

патернализма. Тем не менее именно просвещенный абсолютизм был непосредственным предшественником государственной практики первых десятилетий XIX в., известной как правительственный конституционализм [19, с. 36–40].

Екатерина II, которая, по словам А. Б. Каменского, в советской историографии не удостоивалась доброго слова [20, с. 12], в постсоветской оказалась настолько популярной, что, по мнению П. В. Стегния, «трудно сыскать даже потаенный уголок вселенной жизни, куда бы не заглянул пытливым взором отечественный или зарубежный историк», что объяснимо – екатерининская эпоха сыграла системообразующую роль в развитии российского общества как во внутренней, так и во внешней политике [21, с. 3].

К 200-летию со дня смерти императрицы М. А. Рахматуллиним были опубликованы две статьи под названием «Непоколебимая Екатерина». Их красноречивый финал свидетельствовал и об определенных настроениях в постсоветском обществе: «Двести лет назад завершилось правление императрицы, еще при жизни по праву названной Великой. Благодаря ее разумной политике Россия прочно заняла место ведущей державы мира. С тех пор во главе страны сменилось более десятка самодержцев, вождей, генсеков, президентов. И что мы имеем сегодня?! Едва ли наши соотечественники отзовутся о своем времени так же восторженно, как это делали люди Екатерининской эпохи» [22, с. 25].

Екатерина, разумеется, имела слабости и совершала ошибки, но в целом ее заслуги перед страной огромны, а деятельность соизмерима разве что с преобразованиями Петра Великого – именно такое мнение господствует в современной российской историографии. Масштабные психологические и политические портреты Екатерины II создали почти все российские исследователи XVIII в. – А. Б. Каменский [23; 24], Е. В. Анисимов [25], Н. И. Павленко [26], О. И. Елисеева [27] и др. Можно констатировать, что отношение к Екатерине II в современной российской историографии целиком сопоставимо с оценками дореволюционных историков.

Таким образом, в ценностном отношении интерпретация образа Екатерины Великой совершила своего рода масштабный историографический цикл. Утверждение о цикличности справедливо и для методологии современных исследований, в которых реактуализированы установки государственной школы. Уникальными же и присущими современному состоянию российской историографии являются множественность исследовательских подходов и беспрецедентное расширение разветвленного проблемного поля, которое само может служить отдельным историографическим сюжетом [11, с. 690].

Список использованных источников

1. *Ключевский, В. О.* Сочинения: в 9 т. / В. О. Ключевский. – М.: Мысль, 1988. – Т. 3. Курс русской истории, ч. 3 / сост. В. А. Александров, В. Г. Зими́на. – 415 с.
2. *Ключевский, В. О.* Сочинения: в 9 т. / В. О. Ключевский. – М.: Мысль, 1989. – Т. 5. Курс русской истории, ч. 5 / сост. В. А. Александров, В. Г. Зими́на. – 477 с.

3. Милуков, П. Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 т. / П. Н. Милуков. – М.: Прогресс, 1995. – Т. 3. – 480 с.
4. Любавский, М. К. История царствования Екатерины II / М. К. Любавский. – 2-е изд. – СПб.: Изд-во «Лань», 2001. – 256 с.
5. Лаппо-Данилевский, А. С. Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II / А. С. Лаппо-Данилевский. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1898. – [2], 62 с.
6. Бильбасов, В. А. История Екатерины Второй. Т. 1 / В. А. Бильбасов – Берлин, Маг. Штура, [б.г.] – VII, 643 с.
7. Бильбасов, В. А. История Екатерины Второй. Т. 2. / В. А. Бильбасов – Лондон, Б. и., 1895. – VI, 765 с.
8. Брикнер, А. Г. История Екатерины Второй / А. Г. Брикнер – М.: АСТ, Астрель, 2004. – 687 с.
9. Плеханов, Г. В. История русской общественной мысли: в 3 т. / Г. В. Плеханов – СПб.: Мир, 1914. – Т. 1. – 304 с.
10. Плеханов, Г. В. История русской общественной мысли: в 3 т. / Г. В. Плеханов – М.: Мир, 1917. – Т. 3. – 294 с.
11. Ландина, Л. В. Абсолютизм и абсолютная монархия в российской историографии последней трети XIX – начала XXI вв. / Л. В. Ландина. – Минск: Энциклопедикс, 2020. – 816 с.
12. История СССР / под ред. Л. В. Черепнина. Т. 1. С древнейших времен до 1861 г. Первобытнообщинный и рабовладельческий строй. Период феодализма. – М.: Госполитиздат, 1956. – 896 с.
13. Дружинин, Н. М. Просвещенный абсолютизм в России / Н. М. Дружинин // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.): сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М.: Наука, 1964. – С. 428–459.
14. Белявский, М. Т. Накануне «Наказа» Екатерины II: К вопросу о социальной направленности политики «просвещенного абсолютизма» / М. Т. Белявский // Правительственная политика и классовая борьба в России в период абсолютизма. – Куйбышев: КГУ, 1985. – С. 31–47.
15. Омельченко, О. А. К проблеме правовых форм российского абсолютизма второй половины XVIII в. / О. А. Омельченко // Проблемы истории абсолютизма. сб. науч. трудов / Всесоюз. юрид. заочн. институт / под ред. К. И. Батыра. – М.: ВЮЗИ, 1983. – С. 25–62.
16. Омельченко, О. А. «Наказ» комиссии о составлении проекта нового уложения Екатерины II. Официальная политическая теория русского абсолютизма второй половины XVIII века: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / О. А. Омельченко; Моск. гос. ун-т. – М., 1977. – 27 с.
17. Омельченко, О. А. Политическая теория в «Наказе» комиссии о составлении проекта нового Уложения Екатерины II / О. А. Омельченко // Вестник Моск. ун-та. Серия «История» – 1977. – № 1. – С. 77–92.
18. Каменский, А. Б. Екатерина II / А. Б. Каменский // Вопросы истории. – 1989. – № 3. – С. 62–88.
19. Омельченко, О. А. Монархия просвещенного абсолютизма в России (Политическая доктрина – Правовая политика – Государственные реформы): автореф. дис. ... д-ра

юрид. наук: 12.00.01 / О. А. Омельченко; Моск. госуд. индустриальный ун-т. – М., 2002. – 42 с.

20. Каменский, А. Б. «Под сению Екатеринь»...: вторая половина XVIII в. / А. Б. Каменский. – СПб.: Лениздат, 1992. – 448 с. (Ист. б-ка «Хроника трех столетий. Санкт-Петербург»)

21. Стегний, П. В. Хроники времен Екатерины II / П. В. Стегний. – М.: Олма-Пресс, 2001. – 509 с.

22. Рахматуллин, М. А. Непоколебимая Екатерина / М. А. Рахматуллин // Отечественная история. – 1997. – № 1. – С. 13–26.

23. Каменский, А. Б. Жизнь и судьба императрицы Екатерины Великой / А. Б. Каменский. – М.: Знание, 1997. – 288 с.

24. Каменский, А. Б. Политика как искусство возможного / А. Б. Каменский // Родина. – 1993. – № 1. – С. 148–155.

25. Анисимов, Е. В. Императрица Екатерина Великая / Е. В. Анисимов. – СПб.: Арка, 2007. – 96 с.

26. Павленко, Н. И. Екатерина Великая / Н. И. Павленко. – 6-е изд. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 495 с.

27. Елисеева, О. И. Екатерина Великая / О. И. Елисеева. – М.: Молодая гвардия, 2010. – 635 с.

(Дата подачи: 28.02.2024 г.)

A. B. Lepesh

Беларускі нацыянальны тэхнічны ўніверсітэт, Мінск

A. Lepesh

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 947.607.3(043)

СТВАРЭННЕ І ДЗЕЙНАСЦЬ ІНСТЫТУТА ВАЕННА-ПАВЯТОВЫХ НАЧАЛЬНІКАЎ У БЕЛАРУСІ Ё 30–40-Я ГГ. XIX СТ.

CREATION AND ACTIVITY OF THE INSTITUTE OF MILITARY DISTRICT CHIEFS IN BELARUS IN THE 30–40S OF THE XX CENTURY

У артыкуле разглядаюцца пераўтварэнні, якія былі ўведзены ў галіне паліцэйскага кіравання на тэрыторыі Беларусі пасля паўстання 1830–1831 гг., а менавіта стварэнне інстытута ваенна-павятовых начальнікаў. Аналізуюцца ўмовы ўмацавання паліцэйскага нагляду, разглядаецца штатны расклад, функцыі, дзейнасць ваенна-павятовых начальнікаў, вылучаюцца прычыны скасавання пасадаў дадзеных чыноўнікаў у пачатку 40-х гг. XX ст.

Ключавыя словы: расійскі ўрад; ваенна-павятовыя начальнікі; паліцыя; Камітэт заходніх губерняў; беларускія губерні.